

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Н. ОЛЕЙНИК

Национальное государство и империя: востребованность этих проектов в России и Украине

Обсуждаются четыре сценария государственного строительства в России и Украине: гражданская и этническая модели национального государства, либеральная и нелиберальная империи. На основе вторичных данных, полученных с помощью массовых опросов, сравниваются социальные портреты сторонников каждого из сценариев в двух странах. Особое внимание уделяется национализму как потенциальной движущей силе демократии.

Ключевые слова: империя, национальное государство, национализм, Украина, Россия.

Сравнительный анализ процессов национального развития Украины и России имеет длительную историю [Костомаров 1861]. Речь идет именно о процессах, ибо национальное строительство не завершено в обоих случаях и по сей день. Вопросы национального строительства и тут, и там приобрели особую актуальность сегодня, в контексте крымской ситуации и вооруженного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей. Один из подходов к объяснению формально необъявленной войны, в которой находятся две страны, как раз и заключается в указании на трудновосместимый характер проектов государственного строительства, реализуемых в России и Украине. В украинском случае предпринимаются попытки построения национального государства, тогда как в российском наблюдается возврат к имперскому проекту.

Настоящая статья нацелена на выявление наличных проектов государственного строительства этих двух стран и описание социального портрета сторонников каждого из них с помощью данных массовых опросов. Показано, что до начала вооруженного конфликта в 2014 г. гражданская версия национального государства в России была социально востребована. Украина в контексте вооруженного конфликта оказалась в ситуации востребованности гражданской и этнической версий национального государства. Окончательный выбор варианта государственности, однако, пока не сделан ни Украиной, ни Россией. Учитывая различия в социальных портретах сторонников наличных вариантов государственности, есть риск сохранения конфликтов как между ними, так и в отношениях двух стран.

Олейник Антон Николаевич — доктор экономических наук, PhD (социология), профессор Университета “Мемориал” (Канада), ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН (Москва). Адрес: Sociology Department Memorial University of Newfoundland St. John’s, NL A1C 5S7 Canada.

E-mail: aoleynik@mun.ca

Нации и империи

Варианты государственного устройства отличаются расположением источника государственности. Все входящие в империю территории имеют общий источник государственности, который находится в ее центре. Источник государственности расположен не только вне границ колоний, но и вне всех образующих империю территорий за исключением собственно ее центра. Е. Гайдар определяет империю как “мощное полиэтническое государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии”, и напоминает, что на латыни *imperium* означает власть [Гайдар 2006, с. 8]. Что касается организации власти в центре империи, то здесь есть варианты — от ее сосредоточения в руках одного лица до обладания ею всеми гражданами столичного полиса, как, например, в республиканский период Древнего Рима [McCormick 2008].

Если источник власти расположен внутри территории, на которую она распространяется, то тоже возможны несколько вариантов государственного устройства. В монархии в качестве носителя власти выступает монарх. В либеральной демократии источник власти — гражданское общество, которое принципиально лишено каких-либо этнических или национальных черт [Smith 2002, p. 5]. В национальном государстве (*nation-state*, *état-nation*, *Nationalstaat*) субъектом власти становится нация. Разумеется, все возможные варианты государственного устройства не исчерпываются приведенным списком, но для решения поставленных в данной статье задач он вполне достаточен.

Говоря об империи, исследователи подчеркивают присущую данной форме государственного устройства тенденцию к постоянному расширению границ вовне [Межуев 1992]. Границы в этом случае — величина переменная. И. Яковенко придерживается того мнения, что империи вовсе потенциально не имеют границ, ибо основаны не на каком-либо территориальном принципе, а на определенной “идее” — религиозной (православие, ислам) или иной [Яковенко 1996]. В случае либеральной империи в качестве такой идеи выступает модель правового государства, по определению лишённого религиозного характера. Принципы правового государства или саморегулирующегося рынка, когда они привнесены извне (а тем более навязаны силой, как в период наполеоновских войн) и остаются чуждыми для населения, вполне могут лечь в основу имперского устройства [Межуев 1992; Паин, Федюнин 2017].

В отличие от империи, в том числе и либеральной, модель национального государства принципиально ограничена. Его масштабы производны от характеристик нации, которая его образует. По мнению В. Пастухова, “современное государство есть лишь организационное оформление бытия нации... Нация и государство являются парными социальными категориями, относящимися друг к другу как содержание и форма” [Пастухов 2000, с. 95–96]. Один же из конституирующих элементов любой нации — ее историческая территория. Э. Смит называет ее *ethnoscape* (землей предков) [Smith 2004, p. 17].

Прежде чем продолжить разговор о национальных государствах, следует отметить, что нации представляют собой, скорее, процесс, чем его окончательный результат. Хотя Смит и описывает набор конституирующих нацию элементов — помимо исторической территории, он включает разделение людей на “своих” (*Us*) и “чужих” (*Them*), общую историческую память и мифологию, развитие общей публичной культуры и правового поля, — он одновременно указывает, что “нация представляет собой форму, которая никогда не достигает завершенности, а всегда находится в процессе развития” [Smith 2004, p. 16]. В этой связи желание и решимость группы людей строить нацию значат больше, чем соответствие этой “нации в процессе создания” (*in the making*) некоему заданному набору критериев.

Нацию как процесс следует отличать от понимания нации в духе социального конструктивизма, как некоего “проекта”. В. Тишков утверждает, что “представление о народе и степень распространенности этого убеждения не менее, а даже более важны, чем набор неких объективных или обязательных черт и характеристик” [Тишков 2013, с. 13]. Некоторые без труда увидят здесь вариант теоремы Томаса, согласно которой если люди уверены в реальности того или иного определения ситуации, то это определение становится реальностью [Merton 1995, p. 380]. Тишков сравнивает строительство наций с “большими проектами”,

подобными освоению целины в 1960-е гг. Правда, по-моему, если уж проводить такие сравнения, то более уместным аналогом конструктивистского подхода представляются планы по повороту течения северных рек. Ведь акцент тут делается именно на волюнтаризме. Как справедливо отмечают в ответ Э. Паин и С. Простаков, одного воления недостаточно [Паин, Простаков 2016, с. 256]. Строительство наций всегда осуществляется из наличного институционального материала и с учетом существующих ограничений. Смит призывает рассматривать создание наций как процесс, который разворачивается в конкретных исторических условиях и не может выходить за его рамки.

Различают два вектора развития национальных государств, этнонациональный и государственно-политический. Они соответствуют двум идеал-типическим формам нации как процесса – этнической и гражданской. В первом случае нация предстает как развитие определенного этноса (Смит использует термин *ethnie*) и имеет эксклюзивный характер – в нее не включаются этническо-языковые и культурные “инородцы” [Ян 2000]. Во втором случае нация лишена привязки к этносу – тут членом может стать любой уважающий национальные законы и разделяющий ее культуру человек. Развивающаяся по “гражданскому” сценарию нация имеет тенденцию к инклюзивности, то есть к ассимиляции “инородцев”. Инклюзивность гражданских наций, впрочем, не следует смешивать с инклюзивностью как результатом подчинения всесильному государству, что вполне соответствует имперской логике. “Государственный народ” в России [Тюшков 2013, с. 40] и *Staatsvolk* в Германии конца XIX–начала XX в. [Brubaker 1996, p. 124; Veblen 1939, p. 161] – примеры инклюзивности как результата подчинения государству жителей страны разной этнической принадлежности.

В реальности большинство национальных государств имеют как этнонациональные, так и государственно-политические элементы [Smith 2002, p. 15; Перегудов 2011, с. 142], однако в аналитических целях две формы национального государства следует разделять. Это различие тем более важно, что вслед за тезисом о комбинации этнических и гражданских элементов основное внимание обычно уделяется вторым в ущерб первым. В результате страдает понимание этнического вектора развития национальных государств, а без него полноценное решение поставленной в данной статье исследовательской задачи представляется невозможным.

Смит различает три основных сценария развития наций и, соответственно, три основных типа наций, образующихся в результате. Первый типичен для стран Северной и Западной Европы. Для него характерна ведущая роль аристократии и превалирование элементов гражданской нации. Второй характерен для стран Восточной Европы и Азии. Здесь образование наций происходило, в основном, усилиями представителей интеллигенции и низших сословий. Элементы этнической нации выходят в данном случае на первый план. Наконец, третий сценарий был реализован в странах массовой иммиграции – США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Здесь ведущую роль играли иммигранты с их видением нации прежде всего как гражданского сообщества [Smith 2004, p. 22].

Обсуждение вопросов национального строительства обычно четко отделено в научном дискурсе, как западном, так и российском, от изучения процессов демократизации и того, как “работает” демократия. В результате зачастую упускается тот чрезвычайно важный момент, что нация – ключевой субъект демократического процесса, создатель и пользователь институтов демократии. Образование политического сообщества – одно из основных условий демократии, значительно облегчено, если его члены имеют общую национальную идентичность [Rustow 1970, p. 350; Smith 1991, p. 9; Kuzio 1998, p. 144]. В этом смысле нации можно рассматривать в качестве политических сообществ по волеизъявлению вообще и по формулировке национальных интересов в частности [Яковенко 1996; Ян 2000; Паин, Федюнин 2017]. Именно в результате функционирования нации как сообщества по волеизъявлению народ становится единственным источником власти в национальном государстве, сувереном. В империи же условия для волеизъявления отсутствуют. Поэтому властная элита империи, находящаяся вне контроля со стороны общества, – а это положение задается базовым для империи иерархическим принципом, – обречена на перерождение в своекорыстную корпорацию [Яковенко 1996].

Проекты государственного строительства в России и Украине

Распад СССР придал теоретическим дискуссиям о вариантах государственного строительства и практический оттенок. Страны, возникшие в результате распада СССР, столкнулись с необходимостью определиться с вектором государственного строительства. Выбор между возрождением в той или иной форме империи и развитием национального государства, тоже в той или иной форме. Институциональное наследие советского периода не исключает оба эти варианта. С одной стороны, Советский Союз был воплощением ряда принципов имперского государственного устройства, начиная с сосредоточения ключевых властных полномочий в Москве. С другой стороны, в Советском Союзе репрессии национализма сочетались с формальным существованием элементов национального государства на уровне союзных республик и признанием национальности в качестве важной категории самоидентификации граждан [Brubaker 1996, p. 18]. Появление полноценных наций в СССР, впрочем, было исключено [Гранин 2011, с. 15].

В случае стран, образовавшихся из двух крупнейших союзных республик — Российской Федерации и Украины, основными вариантами государственного устройства можно признать две формы имперской организации, “русский мир” и либеральный проект, и две формы национального государства, этническую и гражданскую. На сегодняшний день для Украины актуален выбор между либеральным вариантом имперской организации и двумя формами национального государства. В российском случае список основных альтернатив включает “русский мир” как нелиберальный вариант имперской организации и те же две формы национального государства.

Либеральная модель имперской организации в 1990-е гг. была значимой альтернативой и в России. Она исходит из допущения об отсутствии этнически и культурно обусловленных моментов в поведении человека и “твердого убеждения в том, что российский гражданин не отличается от *Homo Economicus*” [Boycko, Shleifer, Vishny 1995, p. 14]. Тот факт, что эта модель и в одну, и в другую страну была привнесена извне, а не была продвигаема внутренними силами, позволяет ассоциировать ее именно с имперским вектором государственного строительства. В отличие от эпохи наполеоновских войн, либеральная модель не была привнесена в страны бывшего СССР силой оружия, хотя поражение СССР в “холодной войне” и можно рассматривать в качестве сопутствующего фактора. Основным двигателем продвижения либеральной модели в этом случае стали кредиты международных организаций, которые предоставлялись исключительно при условии выполнения правительствами стран-заемщиков условий “вашингтонского консенсуса”, среди которых — обеспечение сбалансированного бюджета, отказ от регулирования обменного курса, освобождение цен и т.д. [Latin American... 1990]. “Вашингтонский консенсус” отражает солидарную позицию основных спонсоров государственного строительства по данному проекту (в английском не случайно в данном контексте используется термин *blueprint*) — МВФ, Мирового банка и федерального Казначейства США. Поэтому данные организации, расположенные за пределами территории и России, и Украины, можно признать обладателями ключевых властных полномочий. В отличие от России, где либеральный проект в последние 10–15 лет утратил свои позиции, он сохраняет свою актуальность в украинском случае с одним уточнением. Помимо ориентации на центр принятия решений в Вашингтоне, здесь ощутимо влияние европейских идей и центров принятия решений [Реформація... 2017].

Нелиберальная модель империи, наоборот, весьма популярна в сегодняшней России, но практически лишилась шансов на то, чтобы быть реализованной в украинских условиях¹. Эта нелиберальная модель более известна под названием “русского мира”, который из разработки политтехнологов, датирующейся концом 1990-х гг., превратился в инструмент государственной политики правительства России [Suslov 2012, p. 585]. В отличие от либеральной модели империи, “русский мир” строится на предположении

¹ Так, лишь 1,2% всех респондентов указали на “Статус русского языка в Украине” в качестве вызывающей наибольшее беспокойство проблемы, а ведь русский язык — один из ключевых элементов “русского мира”.

примата национальной (этнические русские) и культурной специфики его носителей — языковой (русскоязычные), религиозной (православные) и общей исторической памяти (с особым акцентом на события Второй мировой войны). Тишков определяет “русский мир” как “трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре” [Тишков 2013, с. 530]. Из данного определения следует ориентация носителей “русского мира” на центр принятия решений в Москве вне зависимости от места их жительства, будь то российская территория, “ближнее” или “дальнее” зарубежье².

В отличие от обеих версий имперского проекта — либеральной и нелиберальной, национальное государство призвано обеспечить нахождение источника власти на территории самой страны, а не за ее пределами. В качестве источника власти, суверена, здесь выступает нация — или гражданская, или этническая, или включающая элементы обоих этих типов. На первый взгляд, в российском научном и политическом дискурсе достигнут консенсус относительно необходимости опоры в государственном строительстве на гражданскую нацию. Цитируя В. Путина, Тишков вслед за ним признает “российский народ гражданской нацией при всем ее этническом и религиозном разнообразии” и, соответственно, квалифицирует российское государство как национальное [Тишков 2013, с. 3, 7]. При этом совершенно обходится тот отмеченный выше факт, что инклюзивность может быть как результатом строительства гражданских наций, так и подчинения все-сильному государству.

Модель построения этнической нации тоже широко обсуждается в России как учеными, так и политиками. Лозунги “Россия для русских” и “русского поворота” в общественных науках находят значительный отклик. Например, самой цитируемой статьёй из выборки публикаций по теме “национальное государство”, построенной с помощью научной он-лайн библиотеки eLibrary, оказался текст о “русском повороте”, который понимается авторами как “восстановление и сохранение исторической памяти, осознание непрерывности, преемственности русской истории, ее самобытности. Это сохранение и укрепление суверенитета, проведение самостоятельной политики, защита национальных интересов. Это противопоставление чуждым для нас деструктивным или аморальным по своей сути идеям и ценностям иных, национально ориентированных, концептов и парадигм” [Сальников, Романовская, Сальников, Романовская 2015, с. 194]³.

Украинская ситуация с востребованностью двух версий национального государства в некотором смысле сходна. После распада СССР украинская нация находилась лишь на начальных этапах своего развития. Автор исследования, осуществленного в 2011–2012 гг., констатировала “отсутствие общего подхода к пониманию национальной идентичности” среди различных групп населения Украины [Korostelina 2014, р. 88]. По сравнению со строительством нации, строительство государства осуществлялось более быстрыми темпами [Harasymiw 2002, р. 111], что позволило Т. Куцио [Kuzio 1998, с. 9] предложить термин “государственной нации” (*state-nation*) как более уместный по сравнению с национальным государством.

Оставляя в стороне отмеченную выше двусмысленность концепции “государственной нации”, следует отметить, что украинское государство значительно менее развито, чем российское, учитывая ограниченность доступных ресурсов и, соответственно, наличного потенциала (*state capacity*). Поэтому украинская версия нелиберального имперского проекта не смогла утвердиться. Военный конфликт между Украиной и Россией, последовавший за аннексией Крыма, дал мощный импульс к реализации этнического

---

²Тишков относит к носителям “русского мира” даже бывшего лидера Либеральной партии Канады М. Игнатьева (М. Ignatieff), ныне ректора и президента Центрального европейского университета в Будапеште, которого некоторые оппоненты критикуют как раз за приверженность альтернативному, либеральному имперскому проекту, а не “русскому миру” [Тишков 2013, с. 544–545].

³По состоянию на 16 октября 2017 г. данная статья (<https://elibrary.ru/item.asp?id=26189428>) была прочитана 108 раз. При этом резюме статьи было просмотрено 30 раз, а полный текст загружен лишь 8 раз. Прочитывавшие данный источник либо прочитали его бумажную версию, либо вовсе не ознакомились с ним, посчитав привлекательным отраженный в названии лозунг.

сценария строительства национального государства в украинском случае. Исторически “войны во всем разнообразии их форм были одним из ключевых факторов в процессе создания этносов и наций” [Smith 2004, p. 154] (см. также [Kuzio 1998, p. 6; Гранин 2011, с. 21]).

Конфликты и трения между, с одной стороны, проектом “русского мира” и с другой — моделью национального государства, особенно в его этнической версии, позволяют провести некоторые параллели между постсоветской Россией и Веймарской Республикой в Германии 1920–1930-х гг. Акцент на этнической и национальной принадлежности носителей “русского мира” создает для этого необходимые предпосылки. Ряд авторов указывают на сходство двух случаев по критерию превалирующих социальных ценностей (например, цинизма [Слотердайт 2009; Олейник 2015]). Р. Брубейкер подчеркивает общность подходов к решению национального вопроса в постсоветской России и Германии межвоенного периода [Brubaker 1996, Ch. 5], хотя в своей книге он ни разу не использовал термин “империя”. Он выделяет три формы национализма: национализм родины (*homeland nationalism*), национализм государств, движущихся по пути строительства национального государства, и национализм национальных меньшинств.

Брубейкер отмечает, что реализация принципов национализма родины подрывает суверенитет и территориальную целостность национальных государств (Польша и Чехословакия в случае Германии межвоенного периода, Украины и других постсоветских государств в случае сегодняшней России), в которых проживают выходцы из страны, где поддерживается первая форма национализма (Германии или России). Эта логика позволяет лучше понять природу нынешнего военного конфликта между Россией и Украиной как конфликта между нелиберальным имперским проектом и этнической версией национального государства. Примечательно, что даже термин “ближнее зарубежье” изначально был введен в обиход в Германии межвоенного периода для обозначения территорий, на которых оказались этнические немцы в результате распада германской империи [Brubaker 1996, p. 135fn]. Согласно принципам национализма родины, бывшая метрополия ответственна за бывших соотечественников, оказавшихся за ее границами в результате поражения Германии в Первой мировой войне или распада СССР. В постсоветской России для прикрытия и оправдания национализма родины используют концепт “обязанности защищать” (*Responsibility to Protect*, R 2P), при этом упуская из виду укорененность данного понятия в совершенно иной, либеральной, традиции с ее акцентом на права человека, важность которых как раз и ставится под вопрос сторонниками нелиберальных империй [Baranovsky, Mateiko 2016; Герасименко 2016].

Источники данных и их ограничения

В отличие от исключительно интеллектуальных дебатов по вопросам государственного строительства, настоящая статья имеет эмпирический компонент. К сожалению, я был лишен возможности собрать первичные данные, позволяющие судить о перспективах Украины и России четырех упомянутых ранее моделях государственного устройства: либеральной империи, нелиберальной империи (“русского мира”), гражданской и этнической версий национального государства. В результате пришлось ограничиться использованием данных двух опросов, которые были проведены для решения сходных, но несколько иных исследовательских задач.

Украинский опрос был проведен в мае 2017 г. сотрудниками Киевского международного института социологии (КМИС) (<http://ukraine.survey-archive.com/data#user-research@showResearch=118986>). Анкета включала блок вопросов о национальной идентичности и отношениях между представителями различных национальностей Украины. Размер репрезентативной выборки составил 2040 респондентов (опрос не проводился на территориях, временно не контролируемых на тот момент правительством Украины). В России опрос был проведен в октябре 2012 г. сотрудниками Левада-Центра в рамках третьей волны исследований национальной идентичности участниками Международной программы социальных исследований (International Social Surveys Programme — National

Identity III) (<https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?ll=10&notabs=&af=&nf=&search=&search2=&db=e&no=5950>). Размер репрезентативной выборки составил 1516 респондентов⁴.

Использование вторичных данных наложило ряд ограничений как на формулировку вопроса исследования, так и на интерпретацию полученных результатов. Во-первых, операционализация ключевых переменных, таких как уровень поддержки той или иной модели государственного устройства, оказалась различной. Украинская анкета включала вопрос о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство у респондента со списком из 14 альтернатив (см. табл. 1, в которой они проранжированы по частоте упоминаний; респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов). Было сделано допущение, что выбирающие позицию “Возрождение украинской нации” являются сторонниками этнической версии национального государства; “Политическая ситуация в Украине” – гражданской версии национального государства и “Отношения с Европейским союзом” – либеральной модели империи. Первую из перечисленных альтернатив указали 4,6% респондентов (после взвешивания), вторую – 12,9% и третью – 4,3%. Для сравнения: первой по популярности альтернативой оказалась “Война на Востоке Украины” (69,3%), второй – “Уровень жизни” (62,9%) и третьей – “Экономическая ситуация в Украине” (46,8%).

В России анкета включала вопрос “Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином...” со списком из 8 альтернатив (см. табл. 2). Исходя из сделанных допущений, выбравшие альтернативу “Уважать российский политический строй и законы” рассматривались в качестве сторонников гражданской версии национального государства, а альтернативу “Иметь российское происхождение” – этнической версии национального государства. Степень согласия с утверждением, что “Мир стал бы лучше, если бы люди в других странах были бы больше похожи на россиян”, предположительно свидетельствует о склонности респондента к поддержке имперского проекта, “русского мира”. Все три вопроса имели порядковую (или ранговую) шкалу измерений (1 – очень важно, 4 – совсем не важно в первых двух вопросах; 1 – полностью согласен, 5 – совершенно не согласен в последнем). Средние величины после взвешивания составили 1,71, 1,74 и 2,86, соответственно (8,55, 8,7 и 11,44, если их привести к общему знаменателю).

Во-вторых, российский опрос и украинский опрос разделяет лаг из четырех с половиной лет. Такой лаг не обязательно проблематичен. Например, “волны” Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) (www.worldvaluessurvey.org) обычно покрывают период в 3–6 лет. Однако проведение опроса о национальной идентичности в России до начала вооруженного конфликта этой страны с Украиной не позволяет судить об изменениях в восприятии векторов государственного строительства, которые произошли в России в его результате⁵. Существует потребность специального изучения воздействия военных действий между Россией и Украиной на национальное сознание в России. Различия в контекстах проведения опросов в двух странах заключаются еще и в том, что российский опрос был проведен вскоре после массовых протестов 2011–2012 гг. Украинский же опрос состоялся три года спустя “революции достоинства” ноября 2013 – февраля 2014 гг.⁶.

В-третьих, отличался и набор переменных, вклад которых в изменчивость зависимой переменной контролировался. Данные по таким стандартным переменным, как пол, возраст, образование, уровень благосостояния, место проживания респондента (макрорегион, тип населенного пункта), а также его/ее религиозные воззрения и политические предпочтения были доступны в обоих случаях. В ситуации Украины помимо этих переменных оценивался вклад геополитических предпочтений (отношение к Всеукраинскому референдуму 1991 г. о независимости страны, поддержка вступления страны в различные международные блоки, восприятие России), национальности и языка

⁴ В Украине данный опрос, к сожалению, не проводился.

⁵ В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что в результате войны увеличилось число сторонников нелиберальной империи.

⁶ Еще одним событием, которое могло повлиять на ответы украинских респондентов на некоторые вопросы (например, об отношении к идее членства страны в ЕС), было вступление в силу в мае 2017 г. соглашения о безвизовом режиме между Украиной и ЕС.

ответов респондента (51,2% выбрали украинский язык, 33,6% – русский и 15,2% отвечали на “суржике”, или смеси двух языков). Учитывались также ответы на вопросы о толерантности респондента к представителям различных национальностей, от крымских татар и евреев до русскоязычных украинцев. В России в дополнение к стандартным перемным учитывались ответы на вопросы о тесноте связи респондента с различными сообществами (от жителей его/ее города или села до жителей Европы в целом), степень согласия с утверждениями о различных аспектах национальной идентичности.

Три перечисленные выше группы факторов затрудняют полноценные сравнения двух случаев и заставляют быть предельно осторожным при интерпретации полученных результатов. Это, равно как и ознакомительный (*explorative*) характер настоящего исследования, объясняет выбор в пользу метода пошаговой регрессии вперед⁷. Так как зависимые переменные в украинском случае измерялись на номинальном уровне, использовалась бинарная логистическая регрессия. Измерение зависимых переменных с помощью порядковой шкалы в российском случае сделало возможным использование линейной регрессии. Номинальные переменные в обоих случаях были перекодированы в фиктивные (*dummy*) переменные. Списки категорий сравнения представлены под соответствующими таблицами. Учитывая особенности использованной кодировки фиктивных переменных, когда коэффициент $\text{Exp}(B)$ превышает 1,00, респонденты с данной характеристикой с меньшей вероятностью, чем представители категории сравнения, поддерживают ту или иную модель государственности в украинском случае. В российском варианте значения коэффициента $\text{Exp}(B)$ могут быть интерпретированы как различия в средней величине зависимой переменной для группы респондентов с данной характеристикой по сравнению с теми, кто относится к категории сравнения [Warner 2013, p. 485]. Например, отрицательные значения $\text{Exp}(B)$ для группы католиков в таблице 2 свидетельствуют, что представители данной группы верующих поддерживают и гражданскую версию национального государства, и “русский мир” с меньшей интенсивностью, чем атеисты и те, кто не указали своих религиозных предпочтений (именно они образуют категорию сравнения в данном вопросе).

Портрет имперцев и сторонников различных версий национального государства

Социологический портрет сторонников гражданской версии национального государства Украины не содержит больших неожиданностей (см. табл. 1). Среди тех, кто выделили в качестве приоритетной проблемы политическую ситуацию, относительно много тех, кто поддерживают этническую версию национального государства (на что указывает отрицательное значение коэффициента $\text{Exp}(B)$ для респондентов, одновременно выбравших альтернативу “Возрождение украинской нации”), о которых подробнее пойдет речь ниже. Данный факт, возможно, служит дополнительным напоминанием о взаимосвязи процессов национального возрождения и развития гражданского общества. Другие проблемы упоминались совместно с альтернативой “Политическая ситуация в Украине” относительно редко.

Тест на толерантность к представителям других национальностей среди сторонников гражданской версии показал противоречивые результаты. С одной стороны, представители данной группы относительно часто готовы допустить китайцев в качестве близких друзей, румын в качестве соседей и коллег по работе, а также немцев в качестве жителей страны. С другой стороны, они показали относительно низкую степень толерантности к африканцам в качестве жителей страны. Геополитические предпочтения представителей этой группы тоже противоречивы: при относительном нежелании видеть отношения с Россией такими же, как с любой другой страной (с границами, таможей и визами). При этом они не считают необходимым присоединение страны к Таможенному союзу. Лучшие шансы стать выразителем интересов данной группы среди потенциальных (на момент проведения опроса) кандидатов на пост президента Украины имел мэр Львова Андрей Садовый.

⁷ С вероятностью F добавления новой переменной, установленной на уровне $\leq 0,05$ и вероятностью F исключения переменной – на уровне $-\alpha \leq 0,1$.

Результаты бинарной логистической регрессии для предсказания отношения шансов поддержать три вектора государственного строительства в случае Украины

Коэффициенты	Политическая ситуация в Украине			Возрождение украинской нации			Отношения с Европейским союзом		
	B	Вальда	Exp(B)	B	Вальда	Exp(B)	B	Вальда	Exp(B)
<i>Какая из проблем вызывает у вас наибольшее беспокойство? [1]</i>									
Война на Востоке Украины†	1,445	78,653***	4,241	1,008	9,748**	2,739	1,018	9,683**	2,768
Уровень жизни†	1,281	60,565***	3,600	2,229	43,067***	9,293	2,358	45,038***	10,570
Экономическая ситуация†	1,019	40,345***	2,769	1,962	34,143***	7,114			
Безопасность Украины†	1,637	52,255***	5,142						
Политическая ситуация в Украине†	—	—	—	1,705	10,792**	5,499			
Отношения с Россией†	1,259	19,885***	3,522	1,109	4,274*	3,032			
Преступность†	1,364	26,214***	3,913	1,217	7,149**	3,379	3,073	7,658**	21,615
Экологические проблемы (Чернобыль и др.)†	1,977	16,374***	7,219				2,644	4,607*	14,071
Возрождение украинской нации†	−1,928	16,334***	,146	—	—	—			
Отношения с Европейским союзом†	1,590	12,550***	4,903				—	—	—
Аннексия Крыма†	1,836	12,234***	6,269	4,025	9,067**	55,970			
Отношения между представителями разных национальностей в Украине†	1,946	7,032**	7,004						
Статус русского языка в Украине†									
<i>Как вы считаете, какое направление внешней политики должно быть приоритетным для Украины? [2]</i>									
Присоединение к Европейскому союзу†							−2,976	38,382***	0,051
Присоединение к Таможенному союзу России, Беларуси, Казахстана, Киргизии и Армении†	0,872	9,088**	2,391						
<i>Какими вы бы хотели видеть отношения между Украиной и Россией? [3]</i>									
Такими же, как и с другими странами — с закрытой границей, таможенной и визами†	0,616	13,508***	1,851	−1,165	11,627**	0,312			

Таблица 1 (продолжение)

Коэффициенты	Политическая ситуация в Украине			Возрождение украинской нации			Отношения с Европейским союзом		
	В	Вальда	Exp(В)	В	Вальда	Exp(В)	В	Вальда	Exp(В)
<i>Я согласен допустить [4]</i>									
Канадцев в качестве соседей†				-1,325	12,180***	0,266			
Африканцев в качестве жителей страны†	0,854	4,695*	2,349				-1,772	19,364***	0,170
Африканцев в качестве посетителей страны†				-1,114	9,057**	0,328			
Немцев в качестве близких друзей†				-1,158	7,865**	0,314			
Немцев в качестве жителей страны	-0,980	8,547**	0,375						
Белорусов в качестве близких друзей†	-0,406	4,987*	0,666						
Белорусов в качестве жителей Украины†	0,786	6,446*	2,194						
Поляков в качестве близких друзей†							-1,153	8,301	0,316
Русских в качестве коллег по работе†				-1,492	6,283*	0,225			
Русских в качестве членов семьи†				0,961	4,139*	2,615			
Русскоязычных украинцев в качестве жителей Украины†	-0,494	6,678**	0,610				-1,152	12,462***	0,316
Крымских татар в качестве коллег по работе†							2,654	9,849	14,212
Румын в качестве соседей†	-0,533	6,409*	0,587				-2,193	19,239***	0,112
Румын в качестве коллег по работе†	-0,887	7,737**	0,412						
Румын в качестве жителей Украины†				-1,084	6,014*	0,338			
Китайцев в качестве близких друзей†	-1,183	22,776***	0,306						
<i>Намерения голосовать на следующих парламентских выборах [5]</i>									
За Блок Петра Порошенко†				-1,477	10,533**	0,228	-1,745	19,932***	0,175

Таблица 1 (продолжение)

Коэффициенты	Политическая ситуация в Украине			Возрождение украинской нации			Отношения с Европейским союзом		
	В	Вальда	Exp(B)	В	Вальда	Exp(B)	В	Вальда	Exp(B)
За партию “Свобода”†				-1,202	3,906*	0,301			
За партию “Самопоміч”†				-1,632	10,060**	0,196			
За партию УКРОП†				-2,798	8,332**	0,061			
За объединение “Батьківщина”†				-1,454	10,474**	0,234			
За партию “Народний Фронт”†				-3,038	15,333***	0,048			
За партию “Відродження”							-2,870	7,299**	0,057
<i>Намерения голосовать на следующих выборах Президента Украины [6]</i>									
За А. Грищенко†				-1,287	9,504**	0,276			
За А. Садового†	-0,964	4,178*	0,381						
<i>Пол [7]</i>									
Мужской†	-0,469	9,916**	0,625						
<i>Кем вы считаете себя по национальности [8]</i>									
Украинец†							-1,671	5,717*	0,188
<i>Какое у вас образование? [9]</i>									
Неполное начальное или неполное среднее†	0,947	5,429*	2,577						
Окончил ПТУ, ТУ после 7-го или 8-го класса†				-1,795	8,341**	0,166			
<i>Скажите, к какой церкви вы принадлежите? [10]</i>									
Католической†				-933	6,641*	0,393	-1,702	5,922*	0,182
Православной (Московского Патриархата) †	0,713	8,453**	2,040	1,471	4,227*	4,354			
Протестантской†							-2,949	13,972***	0,052
Неверующий, атеист†				-1,146	4,696*	0,318			
<i>Какое из утверждений наиболее точно отражает финансовое положение вашей семьи? [11]</i>									
Денег хватает на покупку еды и одежды и можем делать какие-то сбережения, но не можем позволить покупку дорогих вещей (телевизор, холодильник)†	-0,465	8,055**	0,628	-1,580	26,988***	0,206			

Таблица 1 (окончание)

Коэффициенты	Политическая ситуация в Украине			Возрождение украинской нации			Отношения с Европейским союзом		
	В	Вальда	Exp(B)	В	Вальда	Exp(B)	В	Вальда	Exp(B)
<i>Тип и размер населенного пункта [12]</i>									
Очень крупный город (более 0,5 млн)†	-0,919	22,373***	0,399	-1,557	17,757***	0,211			
Крупный город (от 100 до 499 тысяч)†				-1,465	17,253***	0,231			
<i>Макрорегион [13]</i>									
Центральная Украина†	0,427	6,329*	1,533						
Западная Украина†							2,151	14,177***	8,590
<i>Пользователь Интернета за пределами места своего проживания</i> † [14]				0,597	3,857*	1,817			
<i>Респондент предпочел отвечать на русском языке</i> † [15]							-1,197	13,069***	0,302
Константа	-12,629	66,640***	0,000	8,676	8,289**	5861,862	0,964	0,160	2,622
псевдо R ² по методу Нагелькерке			0,275			0,502			0,508

Легенда: † обозначает фиктивную (*dummy*) переменную; $df=1$; * значимы на 5% уровне, ** значимы на 1% уровне, *** значимы на 0.1% уровне; для обеспечения компактности представления результатов значения стандартной ошибки коэффициента В опущены.

Категории сравнения: [1] – респонденты, которые не указали эту проблему; [2], [3] и [4] – затруднившиеся сказать и оставившие вопрос без ответа респонденты; [5] и [6] – респонденты, собирающиеся голосовать за партии и кандидатов с незначительным уровнем поддержки (менее 0,5% от общего числа респондентов, то есть менее 10); [7] – респонденты женского пола; [8] – представители иных, чем русские и украинцы, национальностей; [9] – респонденты, закончившие СПТУ или ПТУ после 10 или 11-го класса; [10] – мусульмане; [11] – респонденты, которым не хватает денег даже на покупку еды; [12] – жители села; [13] – жители восточного макрорегиона; [14] – респонденты, не использующие Интернет за пределами своего места жительства; [15] – респонденты, отвечавшие на “суржике”.

Пожалуй, самый интересный в социологическом портрете сторонников этнической версии украинского национального государства – тот факт, что они переместились из сел в крупные города (с населением от 100 тыс. жителей и больше). В прошлом средой украинского национализма считались село, сегодня же он пустил корни и в городской среде, среди представителей среднего класса (о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента $Exp(B)$ для группы лиц, которые могут позволить себе покупать еду и одежду, а также делать сбережения). Еще одна новая тенденция заключается в том, что националисты больше не концентрируются на западе страны, а более-менее равномерно распределены по всей ее территории (вклад всех фиктивных переменных для макрорегионов оказался незначительным).

Сторонники государственного строительства по такому сценарию готовы во имя национального возрождения смириться со многими другими проблемами, которые стоят сегодня перед Украиной: они относительно реже выбирают продолжающуюся войну, низкий уровень жизни и ситуацию в экономике, преступность, отношения с Россией и аннексию Крыма. “Новые украинские националисты” – назовем так эту группу – чаще других считают, что отношения с Россией должны быть такими же, как и с любой другой страной, то есть с четкой границей, таможенной и визами. Они больше не готовы видеть русских в качестве членов своей семьи, но допускают профессиональные отношения с ними по работе. Среди представителей других наций они ощущают свою близость с канадцами (Канада была страной массовой миграции украинцев в начале XIX в.) и немцами, заявляя о своей готовности видеть их в качестве соседей (в первом случае) или даже близких друзей (в последнем случае). Среди них относительно много католиков и атеистов и относительно мало – прихожан православной церкви Московского патриархата (впрочем, прихожан этой церкви относительно мало и среди сторонников других двух вариантов развития украинской государственности). Среди потенциальных кандидатов на пост президента Украины наилучшие шансы стать выразителями интересов данной группы имел А. Гриценко, бывший министр обороны Украины и лидер партии “Громадська позиція” (Гражданская позиция), а также целый ряд партий – от правящих Блока Петра Порошенко и “Народного Фронта” до УКРОПА – Украинского объединения патриотов⁸.

Среди сторонников проекта либеральной империи ожидаемо много тех, кто рассматривают присоединение страны к ЕС в качестве приоритетного направления внешней политики. Об их достаточно высокой толерантности к представителям других национальностей свидетельствует готовность видеть поляков среди друзей, румын в качестве соседей и африканцев в качестве жителей страны. Однако при этом украинские либералы относительно редко высказываются о крымских татарах как приемлемых коллегах по работе. Неожиданным, пожалуй, оказалось большое число русскоязычных украинцев в данной группе, на что указывают негативные значения коэффициентов Ехр(В) для этнических украинцев и тех, кто отвечали на вопросы анкеты на русском языке, а также для варианта допущения русскоязычных украинцев в качестве жителей страны. Следует отметить, что среди сторонников всех трех сценариев государственного развития относительно мало лиц с неполным и полным высшим образованием. Видимо, украинская интеллигенция пока недостаточно активно вовлечена в государственное строительство, что ограничивает интеллектуальные ресурсы, доступные для осуществления этой цели.

Сторонники гражданской версии национального государства в России ожидаемо отдают приоритет российскому гражданству и ощущению принадлежности к данной нации в качестве условий для того, чтобы считаться истинным россиянином (см. табл. 2). Несколько диссонирует с этим убеждение в необходимости еще и быть православным, но данное требование не специфично. С ним соглашаются сторонники всех трех векторов государственного строительства в России. Примечательно, что сильная связь с Россией для представителей этой группы (равно как и группы сторонников нелиберальной империи) видится необязательной. Вероятно, реальное положение дел в России заставляет их несколько дистанцироваться от своей страны. Сторонники гражданской версии национального государства, тем не менее, гордятся политическим влиянием России в мире и российской историей. Учитывая, что список оснований для гордости включал десять позиций, данный факт подтверждает подмеченную выше тенденцию к дистанцированию от российской повседневности.

---

⁸ Это название имеет примечательную историю – изначально, в 2014 г., его пыталась использовать в качестве уничижительного прозвища украинцев российская пропаганда, неожиданно оно было выбрано в качестве самоназвания самими патриотами Украины.

Результаты линейной логистической регрессии для предсказания поддержки трех векторов государственного строительства в случае России

Коэффициенты	Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином, уважать российский политический строй и законы?		Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином, иметь российское происхождение?		Мир стал бы лучше, если бы люди в других странах были бы больше похожи на россиян?		
	B	Beta	t	B	Beta	t	
Вашим городом (деревней/селом)?	-0,086	-0,103	-2,609**		0,214	0,172	3,498**
Россией					-0,131	-0,113	-2,296*
<i>Насколько сильно вы чувствуете свою связь с</i>							
<i>Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином</i>							
Родиться в России?				0,224	0,208	5,474***	
Иметь российское гражданство?	0,217	0,197	4,898***				
Чувствовать себя россиянином?	0,300	0,268	6,068***	0,542	0,456	12,221***	
Быть православным?	0,131	0,162	4,148***	0,128	0,150	3,846***	2,481*
<i>В какой мере вы гордитесь Россией в следующих областях</i>							
Положением дел с демократией							
Политическим влиянием в мире	0,146	0,162	4,105***				0,143
Российской историей	0,126	0,129	3,118**				0,106
<i>В какой мере вы согласны или не согласны со следующими высказываниями?</i>							
Для меня лучше быть гражданином России, чем любой другой страны мира							0,115
В России происходят сейчас такие дела, что заставляют меня испытывать стыд за нее							0,138
							0,095
							0,137
							2,139*
							3,317**

Таблица 2 (продолжение)

	Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином, уважать российский политический строй и законы?		Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином, иметь российское происхождение?		Как вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином, иметь российское происхождение?		Мир стал бы лучше, если бы люди в других странах были бы больше похожи на россиян?			
	0,088	0,112	2,647**	0,122	0,163	4,235***		0,389	0,356	8,099***
Говоря в целом, Россия лучше большинства других стран										
Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права				0,122	0,163	4,235***	0,389	0,356	8,099***	
Мне приходится гордиться Россией реже, чем мне бы этого хотелось										
Россия должна следовать своим собственным интересам, даже если это ведет к конфликту с другими странами				-0,070	-0,088	-2,357*	-0,109	-0,096	-2,277*	
Иностранцам нельзя позволять покупать землю в России	0,064	0,091	2,207*							
Российское телевидение должно отдавать предпочтение отечественным фильмам и программам										
Свободная торговля ведет к тому, что хорошие товары становятся доступными для людей в России										
Я больше ощущаю себя гражданином мира, чем гражданином какой-либо отдельной страны										
Как вы думаете, сегодня численность иммигрантов в России должна быть (1 – увеличена, 5 – сокращена)										
Сильные патриотические настроения в России ведут к росту нетерпимости в России	-0,057	-0,076	-1,976*							
Сильные патриотические настроения в России необходимы для сохранения целостности России	0,073	0,085	2,185*							

Категории сравнения: [1] – респонденты, проголосовавшие за иную, чем перечисленные, партию или испортившие бюллетень; [2] и [4] – затруднившиеся сказать и оставившие вопрос без ответа респонденты; [3] и [5] – представители иных, кроме перечисленных, национальных и религиозных групп.

Предпочитающие этническую версию национального государства респонденты не менее ожидаемо указывают на необходимость родиться в России и быть православным для того, чтобы считаться истинным россиянином. Представители данной группы считают, что люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права. Этнонациональное государство, как и семью, не выбирают. Обладателей таких взглядов относительно немного среди членов российского среднего класса (определяемого здесь исключительно по уровню дохода) и среди тех, кто голосовал за партию “Правое дело” на парламентских выборах 2011 г.

Наконец, сторонники нелиберальной империи – распространения российских ценностей и стандартов на остальной мир – тоже стремятся дистанцироваться от российской действительности, которая, по всей вероятности, не соответствует потребностям экспансии “русского мира” (во всяком случае, по состоянию на конец 2012 г.). На это же указывает и позитивный знак коэффициентов В и Вета для степени согласия с утверждением, что “в России происходят сейчас такие дела, что заставляет меня испытывать стыд за нее”. Они несколько неожиданно гордятся положением дел с демократией в России, видимо, понимая под этим не что иное, как “суверенную демократию”. Нелиберальный характер данного имперского проекта подтверждается отрицательными значениями коэффициентов В и Вета для степени согласия с утверждением, что “Свободная торговля ведет к тому, что хорошие товары становятся доступными для людей в России”. Избирателей, отдавших свои голоса в 2011 г. за ЛДПР, а также этнических русских и немцев, особенно много среди сторонников проекта нелиберальной империи.

Нация как предпосылка и двигатель демократии

Предложенный анализ позволяет сделать выводы об уровне поддержки среди различных групп населения четырех сценариев государственного строительства: гражданского и этнического вариантов национального государства (украинского и российского), либеральной империи (Украина) и нелиберальной империи (Россия). Сторонники этих сценариев образуют разные, пересекающиеся лишь частично, социальные группы. Об относительных размерах этих групп на основе используемых вторичных данных судить практически невозможно⁹. Однако такой исследовательской задачи и не ставилось. Целью анализа было получение сравнительного социологического портрета сторонников четырех сценариев государственного строительства.

Проекты строительства национального государства (как гражданский, так и этнический) принципиально несовместимы с имперскими проектами, особенно нелиберальным. В нелиберальной империи обладатель власти один, причем он находится за пределами большинства территорий, на которую эта власть распространяется. В либеральной империи источники власти тоже носят внешний характер, но их несколько, что способствует снижению ее концентрации.

При окончательном выборе населения Украины в пользу модели национального государства, а населения России – в пользу нелиберального проекта, полной нормализации отношений между странами ожидать в обозримой перспективе трудно. Учитывая, что указанные проекты поддерживают преимущественно различные группы населения, то конфликты вероятны и на национальном уровне (как Украина, так и Россия),

---

⁹ Весьма грубая оценка, пожалуй, может быть получена на основе сравнения частотности, с которой респонденты выбирали ту или иную альтернативу в украинском случае, и сравнения средних показателей интенсивности согласия респондентов с соответствующими высказываниями в российском случае (см. данные, приведенные в разделе “Источники данных и их ограничения”). Выходит, что на момент проведения опросов гражданская версия опережала по популярности этническую и имперскую в обоих случаях, но данный результат более чем предварительный.

во всяком случае, до момента достижения окончательной определенности относительно вектора государственного развития страны.

В нормативном плане (а нормативные утверждения в заключении вполне допустимы) данная статья призвана изменить отношение научного сообщества к теме национализма вообще и роли национализма в строительстве национального государства в частности. В либеральных кругах как Украины, так и России по-прежнему господствует пренебрежительное отношение к национализму и националистам. При этом как-то забывается, что “нация – цель любого национализма, а национализм – средство формирования, развития и экспансии наций” [Гранин 2011, с. 16] (см. также [Smith 2004, p. 23]). Иными словами, без национализма невозможно построить нацию, а без существования нации шансы на становление демократии невысоки. Некому ни предъявить спрос на демократические институты, ни стать основным субъектом их функционирования.

В результате националисты остаются лишенными интеллектуальных ресурсов, которые необходимы им для превращения в ответственных субъектов государственного строительства. Украинская интеллигенция даже в контексте продолжающегося вооруженного конфликта на Востоке страны не спешит приложить усилия к “просвещению” националистов, которые тем не менее переместились из сел в городскую среду и, следовательно, культурные центры, пожалуй, впервые в украинской истории. В России средний класс дистанцируется от националистов, при этом забывая, например, о том, что протесты 2011–2012 гг. были бы невозможны без активного участия в них националистически ориентированных сил [Олейник 2012]. В этой связи представляется необходимым последовательная и целенаправленная работа интеллигенции над “просвещением” (*enlightenment*) существующих националистических сил и их превращением на этой основе из препятствия к развитию демократии в одну из ее движущих сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.Т. (2006) Гибель империи: уроки для современной России. Москва: РОССПЭН.
- Герасименко Д.С. (2016) Доктрина “R2P” в міждержавних відносинах: від подій в Грузії до Криму // Молодий вчений. № 2(29). С. 188–193.
- Гранин Ю.Д. (2011) Станет ли Россия “национальным государством”? // Вопросы философии. № 1. С. 15–27.
- Костомаров Н. (1861) Две русские народности // Основа. № 3. С. 33–80.
- Межуев В.М. (1992) Идея национального государства в исторической перспективе // ПОЛИС. № 5–6. С. 10–16.
- Олейник А.Н. (2012) Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 2. С. 87–102.
- Олейник А.Н. (2015) Конфликт формальных институтов и “человеческого” как источник политического цинизма // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. № 2. С. 178–190.
- Паин Э., Простаков С. (2016) Энтони Смит (1939–2016) и его научное завещание. Некролог // Социологическое обозрение. № 15(3). С. 255–260.
- Паин Э., Федюнин С. (2017) О методологической перезагрузке теории нации // Gefter.Ru. <http://gefter.ru/archive/22113>.
- Пастухов В.Б. (2000) Национальный и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // ПОЛИС. № 1. С. 95–96.
- Перегудов С.П. (2011) Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // ПОЛИС. № 3. С. 141–163.
- Реформація: Успіх Європи і шанс для України (2017) / За редакцією Шеремети Р.М., Романенко О. Київ: Самміт-Книга.
- Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.А. (2015) “Русский поворот” в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 38(48). С. 192–198.
- Слотердайк П. (2009) Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ.
- Тишков В.А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука.

- Яковенко И.Г. (1996) От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // ПОЛИС. № 6. С. 117–128.
- Ян Э. (2000) Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // ПОЛИС. № 1. С. 114–123.
- Baranovsky V., Mateiko A. (2016) Responsibility to Protect: Russia's Approaches // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. Vol. 51. Issue 2. Pp. 49–69.
- Boycko M., Shleifer A., Vishny R. (1995) *Privatizing Russia*. Cambridge, (MA) and London: The MIT Press.
- Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Harasymiw B. (2002) *Post-Communist Ukraine*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press.
- Korostelina K.V. (2014) *Constructing the narratives of identity and power: Self-imagination in a young Ukrainian nation*. Lanham (MA): Lexington.
- Kuzio T. (1998) *Ukraine: State and Nation Building*. London and New York: Routledge.
- Latin American Adjustment: How Much Has Happened? (1990) / Ed. by J. Williamson. Washington: Institute for International Economics.
- McCormick J.P. (2008) Machiavellian Democracy: Controlling Elites with Ferocious Populism // *American Political Science Review*. Vol. 95. No. 2. Pp. 297–313.
- Merton R.K. (1995) The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. Vol. 74. No. 2. Pp. 379–424.
- Rustow D.A. (1970) Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. Vol. 2. No. 3. Pp. 337–363.
- Smith A.D. (2004) *The Antiquity of Nations*. Cambridge: Polity.
- Smith A.D. (1991) *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smith A.D. (2002) When is a Nation? // *Geopolitics*. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–32.
- Suslov M. (2012) Geographical Metanarratives in Russia and the European East: Contemporary Pan-Slavism // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 53. No. 5. Pp. 575–595.
- Veblen T. (1939) *Imperial Germany and Industrial Revolution*. New York: The Viking Press.
- Warner R.M. (2013) *Applied Statistics: From Bivariate to Multivariate Techniques*. 2nd edition. Los Angeles: Sage.

Nation-state and empire: who supports various models of state development in Ukraine and Russia?

A. OLEYNIK*

*Oleynik Anton – doctor of Science (Economic), PhD (sociology), professor of Memorial University of Newfoundland (Canada, Leading Researcher TSEMI RAS (Moscow). Address: Sociology Department Memorial University of Newfoundland St. John's, NL A1C 5S7 Canada. E-mail: aoleynik@mun.ca

Abstract

The article discusses four scenarios of state building in Ukraine and Russia: civic and ethnic models of nation-state, liberal and non-liberal empires. Secondary data – results of two mass surveys – inform the analysis. The proposed study highlights social particularities of supporters of each model. Special attention is paid to nationalism as a potential driving force of democratization in these two counties.

Keywords: empire, nation-state, nationalism, Ukraine, Russia.

REFERENCES

- Baranovsky V., Mateiko A. (2016) Responsibility to Protect: Russia's Approaches. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, vol. 51, issue 2, pp. 49–69.
- Boycko M., Shleifer A., Vishny R. (1995) *Privatizing Russia*. Cambridge (MA) and London: The MIT Press.

- Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gaydar E.T. (2006) *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii* [The demise of the empire: lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Gerasimenko D.S. (2016) Doktrina R2P v mizhderzhavnykh vidnosinakh: vid podiy v Gruzii do Krimu [The doctrine of “R2P” in the foreign wings: from the west to Georgia to the Crimea]. *Molodiy vcheniy*, no. 2(29), pp. 188–193.
- Granin YU.D. (2011) Stanet li Rossiya nacionalnim gosudarstvom? [Will Russia become a “national state”?]. *Voprosi filosofii*, no. 1, pp. 15–27.
- Harasymiw B. (2002) *Post-Communist Ukraine*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press.
- Korostelina K.V. (2014) *Constructing the narratives of identity and power: Self-imagination in a young Ukrainian nation*. Lanham (MA): Lexington.
- Kostomarov N. (1861) Dve russkie narodnosti [Two Russian nationalities]. *Osnova*, no. 3, pp. 33–80.
- Kuzio T. (1998) *Ukraine: State and Nation Building*. London and New York: Routledge.
- Latin American Adjustment: How Much Has Happened? (1990) Ed. by Williamson J. Washington: Institute for International Economics.
- McCormick J.P. (2008) Machiavellian Democracy: Controlling Elites with Ferocious Populism. *American Political Science Review*, vol. 95, no. 2, pp. 297–313.
- Merton R.K. (1995) The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, vol. 74, no. 2, pp. 379–424.
- Mezhuev V.M. (1992) Ideya nacionalnogo gosudarstva v istoricheskoy perspektive [The Idea of the National State in Historical Perspective]. *POLIS*, no. 5–6, pp. 10–16.
- Oleynik A.N. (2012) Kto eti muzhchini i zhenshchiny na fotografii? Kontent-analiz fotografii massovih protestov [Who are these men and women in the photo? Content analysis of photos of mass protests]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannie. Analiz. Diskussii*, no. 2, pp. 87–102.
- Oleynik A.N. (2015) Konflikt formalnykh institutov i chelovecheskogo kak istochnik politicheskogo cinizma [Conflict of formal institutions and “human” as a source of political cynicism]. *Politicheskaya konceptologiya: Zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy*, no. 2, pp. 178–190.
- Pain E., Prostavok S. (2016) Entoni Smit (1939–2016) i ego nauchnoe zaveschanie. Nekrolog [Anthony Smith (1939–2016) and his scientific testament. Obituary]. *Sociologicheskoe obozrenie*, no. 15(3), pp. 255–260.
- Pain E., Fedyunin S. (2017) O metodologicheskoy perezagruzke teorii natsii [On the methodological reset of the theory of the nation]. *Gefter.Ru. 2017* (<http://gefter.ru/archive/22113>).
- Pastuhov V.B. (2000) Nacionalniy i gosudarstvennyy interesi Rossii: igra slov ili igra v slova? [National and State Interests of Russia: Playing Words or Playing Words?]. *POLIS*, no. 1, pp. 95–96.
- Peregudov S.P. (2011) Nacionalno-gosudarstvennaya identichnost i problemi konsolidatsii rossiyskogo gosudarstva [National-State Identity and the Problems of the Consolidation of the Russian State]. *POLIS*, no. 3, pp. 141–163.
- Reformatsiya: Uspih vropi i shans dlya Ukraini* (2017) [Reformation: success for Europe and a chance for Ukraine]. Za redaktsiyu Sheremeti R.M., Romanenko O. Kiv: Sammit-Knig.
- Rustow D.A. (1970) Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. *Comparative Politics*, vol. 2, no. 3, pp. 337–363.
- Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.A. (2015) Russkiy povorot v politiko-pravovom diskurse [“The Russian turn” in the political and legal discourse]. *Uchenie zapiski yuridicheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 38(48), pp. 192–198.
- Sloterdajk P. (2009) *Kritika cinicheskogo razuma* [Criticism of Cynical Reason]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, Moscow: ACT.
- Smith A.D. (1991) *National Identity*. London: Penguin Books.
- Smith A.D. (2002) When is a Nation? *Geopolitics*, vol. 7, no. 2, pp. 5–32.
- Smith A.D. (2004) *The Antiquity of Nations*. Cambridge: Polity.
- Suslov M. (2012) Geographical Metanarratives in Russia and the European East: Contemporary Pan-Slavism. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 53, no. 5, pp. 575–595.
- Tishkov V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl nacionalnogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
- Veblen T. (1939) *Imperial Germany and Industrial Revolution*. New York: The Viking Press.
- Warner R.M. (2013) *Applied Statistics: From Bivariate to Multivariate Techniques*. Los Angeles: Sage.
- Yakovenko I.G. (1996) Ot imperii k nacionalnomu gosudarstvu (Popitka konceptualizatsii protsessu) [From the Empire to the National State (An attempt to conceptualize the process)]. *POLIS*, no. 6, pp. 117–128.
- Yan E. (2000) Gosudarstvennoe i etnicheskoe ponimanie natsii: protivorechiya i shodstvo [The State and Ethnic Understanding of the Nation: Contradictions and Similarities]. *POLIS*, no. 1, pp. 114–123.